

Вячеслав ШАЛИМОВ:

«Культура – дело государственное...»

ЮБИЛЕЙ

Близится юбилей Ярославского театрального института. 25 октября он отметит свое 25-летие. О прошлом, настоящем и будущем ярославской театральной школы наша беседа с ректором ЯГТИ профессором Вячеславом Сергеевичем Шалимовым.

– Вячеслав Сергеевич, двадцать пять лет для учебно-педагогического заведения – не так уж мало. Какие достижения вуза за это время вы считаете самыми важными?

– Представьте себе карту российских театров середины прошлого века. На ней всего два вузовских центра – Москва и Ленинград, где сложились свои театральные школы. А на всей остальной территории – три старых, основательных и сильных театральных училища: в Ярославле, Саратове и Нижнем Новгороде. За эти 25 лет самым сложным из всего, что удалось, было, не отбивая «хлеб» у Москвы и Питера, утвердиться как важный вузовский театральный центр русской провинции. На это ушло лет 20, потому что первые пять лет нас продолжали воспринимать как училище. Квалификацию приходилось повышать на ходу.

– Чем институт принципиально отличался от училища?

– Училище дает в основном специальные знания, обучает профессии, специфично актерским умениям и навыкам, а институт – это базовое гуманитарное образование и формирование мировоззрения. Превращать училище в институт было непросто. Пришлось преодолевать предрассудки – мол, зачем актеру изучать философию, психологию? Скептики даже прозвали нас «театральным кружком при гуманитарном вузе». Много педагогов уходило, не найдя взаимопонимания со студентами. Актеры – люди творческие, мышление у них образное. Если им читать сухую лекцию, они перестанут воспринимать материал минуте на двадцатой. Прошло лет пять-шесть, прежде чем у нас сформировалась кафедра теоретических наук. У нас появились специалисты, которые могли преподавать и эти науки так, чтобы они были внутренне связаны с профессией, так, чтобы студенты заинтересованно воспринимали учебный материал, на первый взгляд далекий от театра и всего специфично театрального. А теперь мы дошли до того, что разрешаем отличникам писать теоретические работы, и они их защищают на достойном уровне. наших студентов приглашают на петербургские конференции, и там они вы-

ступают на равных с питерскими театроведами, выигрывают гранты. То есть наша первая главная победа – качественное гуманитарное образование.

– А вторая?

– Вторая – профессиональная. Мы думали: каким должен быть провинциальный актер? Вот, например, Щепкинское училище уделяет больше внимания словесной выразительности актера, Щукинское – пластической, МХАТ – развитию актерского психологизма. Получается, их выпускники могут работать только в определенных театрах, и актер Театра на Таганке уже не приживется, например, в Малом театре. Но наш Волковский – это и не МХАТ, и не Малый. В нем ставят спектакли режиссеры самых разных школ и направлений (исключая, разумеется, всякого рода «театральный экстремизм» – все-таки звание академического обязывает). Ту же картину мы наблюдаем и в других театрах русской провинции. А это значит, что провинциальный актер должен быть более цепок, гибок и многогранен, чтобы уметь работать с разными режиссерами, разными театральными школами. Поэтому мы стали усиливать профильные кафедры – сценическое движение, речь,

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

аренде у города. Пришлось судиться в арбитражном суде – были проиграны и дело, и кассация, и апелляция. В Верховном суде – тот же проигрыш. Обратились в Москву, в высший арбитражный суд.

стоялось. Практически заново сделали крышу и коммуникационную «начинку», ряд аудиторий, библиотеку и т. д. и т. п. В общем, живем в ситуации перманентного капитального ремонта. На очереди – учебный театр. И это самая большая проблема и самая сильная головная боль. Сделаем. Обязательно сделаем.

– Как вы относитесь к современному театру?

– Вообще-то я его делаю. Точнее, не я, а мы, разумеется. И это наше третье серьезное достижение. Мы затеяли эксперимент – обучение при театре. Ребята из городов, где нет театральных училищ, но есть театры, базовое образование получают в Ярославле, а практические, профильные навыки осваивают в театре своего города. То есть они как актеры вырастают уже в нужной театральной атмосфере. Ведь провинциальные труппы стареют, им нужна молодежь. Таким образом мы обновили труппы в Туле, Ульяновске, Архангельске, Новочеркасске, Калуге, Котласе, Рыбинске... Большинство в труппах ярославских театров – Волковского, камерного, ТЮЗа, театра кукол – составляют наши выпускники.

– Что вы думаете о совре-

менных постановках? О тех спектаклях, после которых очень долго приходится думать, что же режиссер хотел сказать?

– В конце прошлого века театр стал беззащитным. Он выпал из жестких идеологических рамок, которые хоть и вредили ему, но в то же время и охраняли. Как только идеологический контроль исчез, активизировались экспериментаторы. Это, конечно, замечательно. Но вскоре их искания превратились в эксперимент ради эксперимента или, что еще хуже, ради денег – но не ради людей. Театр – это, несомненно, зрелище. Но масштаб театра определяется высотой, на которую он приподнимает зрителя над зрелищем. Придумать зрелище – легко, а вот приподнять зрителя над зрелищем не всем дано.

– А каков ваш взгляд на коммерциализацию театра?

– Вот у нас в институте, например, просто не получается брать платных студентов. Потому что ребята к нам приходят большей частью из семей, имеющих крайне низкий уровень материального дохода. Бесплатное обучение – единственно возможное для них. Так что с коммерциализацией професси-

онального обучения ничего не выходит. А вот что касается коммерции в театрах – это просто беда. Когда сверхзадача искусства подменяется выгодой, театр умирает и превращается в шоу-предприятие. Бывают антрепризы по творческому порыву, когда и актеры, и режиссер ставят спектакль для души. А когда ради денег – все равно получается более или менее зрелищная халтура. Наверное, правда, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне – искусству и деньгам. Нельзя даже не потому, что это аморально, а просто-напросто потому, что не получится – победят деньги, все принизят и опошлят. Такая вот у них особенность. Устоять против атаки коммерциализации, конечно, трудно, но можно, больше того нужно, необходимо, чтобы театр жил как искусство, а не как «зрелищное предприятие».

– Сейчас еще говорят про «пожелтение» театра – юмор «ниже пояса» слишком откровенные сцены...

– Это называется «если я не могу взять за сердце, я беру за другие части тела». Для меня искусство театра – это мужественная простота, которая зрителя берет за душу и возвышает его.

– Что вы думаете о последнем проекте театральной реформы – разделить театры на финансируемые государством и на самоокупающиеся?

– Я вижу в этом не реформу, а попытку финансистов соединить разные формы финансирования в одну, предназначенную для самых-самых избранных. А русский театр как достояние национальной культуры пусть хоть провалится, хоть самоликвидируется. Убежден, что такой подход делу – негосударственный. Я знаю, чтобы любящие театры – областные, городские, федеральные – обеспечивались всем необходимым, потому что культура России (в том числе и театральная) – дело государственное. Такая сложилась традиция и не следует ее менять.

Наталья ВАСИЛЬЧИКОВА